

Он создал современного фармаколога

He created a modern pharmacologist

И.А. Наркевич¹, Ю.Ю. Звягин², С.А. Воробьева¹, В.В. Перелыгин¹, Д.О. Доброва²

¹ Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный химико-фармацевтический университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации.

² Журнал «Формулы фармации».

I.A. Narkevich¹, Yu.Yu Zvyagin², S.A. Vorobeva¹, V.V. Perelygin¹, D.O. Dobrova²

¹ Saint-Petersburg State Chemical Pharmaceutical University, St. Petersburg, Russia

² Journal «Pharmacy Formulas»

Профессор Александр Семенович Гинзберг ставит вопрос ребром: нужно создавать не какие-то там краткосрочные курсы, а полноценный фармацевтический вуз. Точнее, полный цикл обучения фармацевтов: четырехгодичный институт и двухгодичную среднюю школу для подготовки аптечных работников. Позже к ним добавятся шестимесячные фармацевтические курсы.

На обсуждение предложений потребовалось три месяца и девять заседаний. Предложенные профессором Гинзбергом учебные планы высшей и средней школы приняты. Принята также смета средней школы. Решение об учреждении Петроградского химико-фармацевтического института принято Коллегией Наркомпроса в июле 1919 года. Письмо об этом решении Александр Семенович получает 22 июля за подписью заведующего отделом ученых учреждений и высших учебных заведений М. Кристи. Но еще за неделю до этого он уже заключил договор об аренде сроком на 20 лет

Зима 1919 года. Революционный Петроград, только недавно лишившийся столичных функций, — под угрозой нападения извне. В самом городе холод и голод. А на заседании научно-медицинского отдела Комиссариата народного просвещения Союза коммун северной области (так назывался тогда Петроград с прилегающими к нему территориями) начинается рассмотрение вопроса... «Об организации фармацевтических курсов».

двух домов: по Аптекарскому проспекту, 4–6 и Песочной улице, 4–6. Их, по расчетам Гинзберга, должно было хватить для размещения как высшей, так и средней школы.

Торжественное открытие института состоялось 22 октября. Избранный его первым директором, Александр Гинзберг произнес на этом торжестве речь:

«Неуверенность в завтрашнем дне отвлекает мысли от учебного дела. Заниматься и учиться в таких условиях весьма трудно. Но вместе с тем в каждом из нас должно быть сознание, что при всяких условиях окружающей нас жизни быть образованным лучше. Быть специалистом — весьма важно и полезно не только для себя, но и для окружающего нас общества, государства, отечества. Особенно нашего.

Сознание необходимости создания из себя наиболее полезного члена и сотрудника государства на том поприще, которое открывается по Химико-фармацевтического инсти-

окончании нашего

тута, должно заставить каждого из нас преодолеть кажущиеся препятствия и принудить себя к тем регулярным занятиям, которые окажутся возможными в условиях нашей жизни...

Много лет фармацевтическая корпорация бесплодно взывала к правительству с указанием на необходимость улучшения и существенного изменения образования фармацевтов. Много лет разные фармацевтические Общества и группы указывали на своевременность уничтожения так называемого «ученичества» в аптеках и открытия иных путей для подготовки аптечных работников.

Но должны были произойти такие, потрясшие все наши основы, события, как чудовищная война, и следом за ней революция, чтобы выявилась во всей своей полноте важность рационально образованных фармацевтов как в деле охранения народного здоровья, так и в создании и развитии отечественной фармако-химической промышленности».

Аптекарское дело в России

Кому, как не профессору Гинзбергу, было знать, какой тернистый путь прошла идея реформирования фармацевтического образования в России? Сын еврея-аптекаря из Полоцка на деле прекрасно представлял, что существующая система подготовки аптечных работников носит кустарный характер.

До середины XIX века аптеки в Российской империи были обязаны изготавливать все препараты в собствен-

ной лаборатории. С возникновением промышленного производства часть медикаментов начали закупать. Однако промышленность развивалась крайне медленно. Важнейшие ее отрасли находились в руках иностранных владельцев. Сырье, препараты, аппаратура, лабораторное оборудование полностью импортировались. В основном, из Германии, что, как мы понимаем, создало серьезнейшие проблемы для страны с началом Первой мировой войны.

Аптеки превратились в мелкие торговые предприятия. Перед Первой мировой войной в России насчитывалось около 5 тыс. аптек и около 7 тыс. аптекарских магазинов. Владельцы их нуждались в дешевой рабочей силе.

При этом подготовка кадров, в основном, осуществлялась путем ученичества в аптеках, совсем как в Средние века в цеховых организациях. Аптекарским ученикам приходилось работать в среднем по 14–15 часов в день. В эти часы не входили дежурства (до 15 ночей в месяц), после которых отдыха, как правило, не полагалось. Понятно, что такие условия не могли привлечь людей образованных. В аптекарские ученики шли после четырех классов гимназии. По итогам ученичества они становились разве что приличными практиками.

Три-четыре года ученичества – и экзамен на звание помощника провизора. Условия работы для аптекарских помощников были не многим лучше. И лишь после еще трех лет работы и курса лекций в медицинском институте человек становился провизором. Однако изготов-

лением лекарств занимались и ученики, и помощники. Получалось, что к приготвлению жизненно важных препаратов допускались лица, не имеющие специальной теоретической подготовки!

Сам Александр Гинзберг, правда, в 21 год окончил Варшавский императорский университет (что было

«Фармацевтическая химия и фармакогнозия должны преподаваться студентам-медикам и фармацевтам разнно; первые должны удовлетворительно ознакомиться с основами обоих предметов и с главнейшими удобоисполнимыми приемами; вторые должны быть основательно знакомы с подробностями и теоретической и практической стороны этих главных ветвей фармации»

вполне понятно, учитывая его происхождение и место жительства). Был дипломированным специалистом. Степень магистра фармации получил в Императорской военно-медицинской академии в 27 лет. Через два года там же был избран приват-доцентом при кафедре фармации.

Академия эта была одним из старейших учебных заведений в России, в которых развивалась фармация как наука. Именно здесь (тогда – в Медико-хирургической академии) было открыто первое четырехлетнее фармацевтическое отделение. Позже, в своей речи на заседании Санкт-Петербургского фармацевтического общества в 1901 году, магистр Гинзберг выделил лишь два вуза в империи, в которых обучение фармацевтической науке носило более или менее последовательный характер: Военно-медицинскую академию и Юрьев-Дерптский университет. Во всех остальных учреждениях высшей школы, по его словам, «условия для развития преподавания фармации складывались менее благоприятно, как под влиянием либо недостатка в людях и деньгах, так и под влиянием больших или меньших перерывов между деятельностью одного и другого энергичного борца в пользу расширения и улучшения преподавания».

В том же 1899 году молодой еще ученый и преподаватель выступил на заседании Санкт-Петербургского фармацевтического общества со своей программой создания специализированного фармацевтического института с четырехлетним курсом обучения. Борьба за реформирование фармацевтического образования в России началась.

На пути к реформе фармацевтического образования

Но это была именно борьба. Идея о необходимости специализированного института, где учили бы именно фармацевтов, с трудом пролагала себе дорогу в сознании как государственных чиновников, так и фармацевтической общественности.

Александр Гинзберг выступает с рядом речей и статей в специализированных изданиях. Например, в статье «К вопросу об однообразии систематики (с дидактической точки зрения) отделов фармации в современных медицинских и фармацевтических школах» («Русский врач», №22, 11.06.1902 г.) он дает четкое обоснование тому, что преподавание фармацевтических дисциплин врачам и фармацевтам должно быть совершенно различным: «Фармацевтическая химия и фармакогнозия должны преподаваться студентам-медикам и фармацевтам разнно; первые должны удовлетворительно ознакомиться с основами обоих предметов и с главнейшими удобоисполнимыми приемами; вторые должны быть основательно знакомы с подробностями и теоретической и практической стороны этих главных ветвей фармации». При этом «практические занятия и материал, изучаемый особенно фармацевтами при кафедрах фармацевтической химии и фармакогнозии, должны быть значительно расширены, теснее переплетаясь с соседними областями этих же специальностей». Такое разделение служит идее разделения и преподавания, выведения фармацевтики из общемедицинских вузов.

Статья «О постановке преподавания общей и прикладной химии в наших медицинских школах», напечатанная в 20-м номере того же журнала, построена на сообщении Александра Семеновича, сделанном на XI Съезде естествоиспытателей и врачей. Она посвящена разбору качества преподавания химии в медицинских вузах. Автор приходит к мнению, что «окончив 2-й курс, студенты-медики выносят впечатление о химии во всех ее видах, как науке, весьма богатой эмпирическим материалом, бедной обобщающими теориями и требующей весьма большого напряжения для ее изучения». Одновременно с этим вырабатывается представление о химии, как о бесполезной для медиков науке. И это при том, что «едва ли найдется врач, который в своей деятельности не натолкнулся бы на необходимость некоторой суммы основательных химических сведений».

По мнению Александра Гинзберга, дело тут не в том, что в медицинских школах мало химических кафедр и мало учебных часов по химическим дисциплинам. Просто курсы построены неправильно. Студентам дают те знания, которые им как медикам не обязательны и не подчеркивают то, что знать и уметь жизненно необходимо. Магистр Гинзберг берет на себя смелость предложить новую структуру учебного процесса. На первом курсе нужно дать всю теоретическую основу: неорганическую, органическую и аналитическую химию. Основы теории и систематику. Не нужно пытаться охватить всю химию целиком. На втором курсе – физиологическую и фармацевтическую химию и гигиену. То есть дисциплины более приклад-

ные, но зато строящиеся на базе знания всей основной теоретической базы.

Александр Семенович объясняет: к предложенной схеме он пришел не умозрительно. Просто полтора года проработал лаборантом на кафедре неорганической химии, шесть лет трудился при кафедре и лаборатории химии органической, два года – в патолого-химической лаборатории, год – в химической, а теперь четвертый год преподает фармацевтическую химию.

На I съезде по научной фармации его ученый секретарь, приват-доцент Александр Гинзберг выступает с двумя докладами. Один – все о том же, о системе среднего и высшего образования фармацевтов.

Статьи Гинзберга выходят отдельными книгами. Сам же он с 1903-го по 1914 год преподает химию на Высших женских естественно-научных курсах. В 1904 году он высочайшим приказом по гражданскому ведомству назначен экстраординарным профессором Санкт-Петербургского женского медицинского института по кафедре фармации и фармакогнозии.

В этот период его часто отпускают «с ученою целью» за границу. Александр Семенович трудится в швейцарских университетах. В 1909 году он получает степень доктора натурфилософии во Фрейбургском университете. На родине регулярно выходят его научные работы.

И все же главным делом своей жизни теперь уже профессор Александр Гинзберг явно продолжает считать борьбу за реформу фармацевтического образования. На Российском фармацевтическом съезде в 1913 году ему поручают сделать сводку всех докладов и мнений по вопросу о фармацевтическом образовании. Как раз в это время Министерство внутренних дел подготовило и внесло в Государственную Думу проект нового

Фармацевтического устава. Общество активно обсуждает этот проект.

Профессор Гинзберг камня на камне не оставляет от чиновничьей инициативы. Особенный гнев вызывает у него предложение двух министерств – внутренних дел и просвещения – создать несколько категорий фармацевтов. Одна – для людей с шестью классами гимназии. Это будут «неполноправные» фармацевты, которых допустят к работе, но не к получению ученой степени магистра фармации. Степень смогут получить только те, кто закончил полный курс гимназии. Степень – и причитающиеся к ней права и преимущества. Наконец, третья категория – врачи и естествоиспытатели, которые проработали полгода в аптеке. Их тоже допустят к получению ученой степени по фармации.

Александр Семенович резонно замечает: появление фармацевтов с различными правами, различным образовательным цензом и различной специальной выучкой создаст внутренний антагонизм в фармацевтическом сообществе. И предлагает съезду категорически отвергнуть предложения власти. Все фармацевты должны иметь общее образование не ниже полного среднего!

Второй пункт разногласий – форма дальнейшего обучения. Правительство предлагает две системы. По первой абитуриент сразу поступает на высшие фармацевтические курсы. По второй – сначала на двухлетние низшие, потом год работает в аптеке и лишь после этого имеет право на высшее образование.

Идею низших школ, предложенную правительством, Александр Гинзберг объявляет нежизненной и бесполезной. Кто будет учиться после шести лет гимназии два года в низшей школе (при этом частной, платной), вместо того чтобы доучиться эти же два года в гимна-

В декабре 1919 года по предложению профсоюза аптечных работников в структуре института была создана фармацевтическая школа с двухлетним курсом обучения для подготовки работников аптек средней квалификации и техников для фармацевтических заводов.

зии? Тем более что тогда ему придется еще год поработать в аптеке, а статус у него все равно останется неполноценным!

Но вот сам годичный стаж перед поступлением на высшие курсы Гинзберг считает разумным. Во-первых, переходя на новую систему подготовки кадров (новый устав отменяет ученичество), было бы неправильно совсем лишать аптеки малоквалифицированных кадров. Такие им все равно нужны. С другой стороны, молодому человеку полезно понять: туда ли он идет? При этом работа в аптеке позволяет ему как приобрести определенные практические навыки, так и заработать деньги на дальнейшее обучение. Гинзберг говорит: все профессора всегда отличали студентов-фармацевтов за их ловкость на занятиях в химических лабораториях.

Профессор даже готов допустить существование специалистов на уровне прежних аптекарских помощников. Если у молодого человека после окончания среднего учебного заведения и годичной стажировки нет все же денег на продолжение обучения в вузе, он может сдать на фармотделении вуза специальный экзаме́н и продолжать служить в аптеке.

Зачем России нужен высокообразованный фармацевт? Александр Семенович отвечает на это очень ясно:

«Если мы спросим, какая может быть польза от аптеки, находящейся в руках у хорошо образованного фармацевта, то достаточно представить себе ту сеть аптек, которая правильно раскинута по всей поверхности нашего обширного отечества, чтобы понять, каким культурным и полезным для окружающего населения центром должна являться во многих углах вооруженная

хорошими знаниями аптека! Какую пользу такая аптека со своею маленькою лабораторией может приносить во многих санитарно-гигиенических вопросах, в предупреждении многих болезней, даже и эпидемий, а не только в поставлении лекарств, когда уже наступило заболевание. Наконец, такие аптеки с образцовым фармацевтом в руках земств, – каким это может быть многогранно полезным и ценным фактором в культурной и высокой деятельности земств?! Все эти данные показывают, сколь полезным может быть для государства и общества образцовый фармацевт, не выходящий из рамок своей специальности, но значительно расширяющий эти рамки. И всё это указывает, в каком направлении следует конструировать высшее среднее образование».

Специальный химико-фармацевтический

В 1911 году Александр Гинзберг начал читать лекции по органической и фармацевтической химии на Медицинском факультете Психоневрологического института. Именно при этом институте он в 1915 году организовал Химико-фармацевтическое отделение, председателем которого состоял до закрытия отделения в 1919 году.

Вот как описывает свои впечатления один из его первых студентов:

«Осенью 1915 года Александр Семёнович был приглашён на одну из первых сходов студентов-фармацевтов, принятых тогда же, конечно благодаря его содействию, на первый общеобразовательный курс Психоневрологического института. Я и многие из моих товарищей в ожидании приезда А.С. волновались. Причин к этому было много. С одной стороны, хотелось воспользоваться тою возможностью, которая

нам была предоставлена. Не следует забывать, что это было в то время, когда двери многих высших учебных заведений были ещё плотно закрыты для лиц, имевших требуемое среднее образование (я имею в виду евреев и других кухаркиных детей). Мы же этого среднего образования не имели. С другой стороны, милитаризованность, т. е. служба, и отдалённость института от центра, и материальная необеспеченность...

Когда А.С. приехал, начали сыпаться вопросы. На вопрос о материальной необеспеченности А.С. ответил: «Займите у родственников, потом отдадите». Другого ответа (или совета) он не мог нам тогда дать.

Но главный вопрос, который обсуждался на нашей сходке, – обширность программы. Помилуйте, как же мы это всё одолеем! Мы – мало подготовленные люди. Начали сыпаться ходатайства: нельзя ли для фармацевтов сократить программу?

На это предложение он ответил довольно продолжительной беседой. Она сводилась к тому, что фармацевт не должен быть узким специалистом, а должен быть всесторонне образованным человеком. Окончил свою беседу А.С. словами Данте. Не помню сейчас этих слов, но смысл их сохранился в моей памяти: наука не может опуститься до низкого уровня образования современного фармацевта, а, наоборот, современный фармацевт должен (и может – мнение А.С.) подняться до высокого уровня современной науки».

А дальше была революция. И то самое судьбоносное решение Коллегии Наркомпроса, положившее начало существованию Химико-фармацевтического института, нынешнего Санкт-Петербургского государственного химико-фармацевтического университета. Открыты были сразу три курса, поскольку в институт пришло большое число студентов из закрытых фармацевтических отделений при Психоневрологическом институте, Женском медицинском институте и других универси-

тетах с медицинскими факультетами. Уровень подготовки у них был очень разным. Кто вполне годился для третьего курса нового вуза, а у кого было еще так много пробелов, что приходилось начинать почти с начала.

Позже Александр Гинзберг писал: «Химико-фармацевтический институт взял на себя создание научно подготовленных сознательных работников на поприще развития отечественной химико-фармацевтической, фармако-ботанической и чисто фармацевтической промышленности. Понимая, вместе с тем, что его воспитанники в качестве рядовых работников в аптеки уже не пойдут, и что для аптек, выполняющих ответственную роль в государственном деле охраны народного здоровья, необходимо создавать новые кадры работников, мы открыли в январе 1920 года трехлетнюю Профессиональную фармацевтическую школу, преобразованную в 1921 г. в Фармацевтический техникум». Но на деле это было просто реализацией его давней идеи совмещения под одной крышей среднего и высшего образования.

Советские аптеки остро нуждались в работниках. Ждать три года было невозможно. Потому, в дополнение к вузу и техникуму, открыли ускоренные шестимесячные курсы для подготовки аптечных работников типа аптекарских помощников. На них училось по 30-40 человек.

Таким образом под общей кровлей сосредоточились три ступени фармацевтического образования. Первая – ускоренные курсы, подготовляющие в шесть месяцев кадры простейших аптечных работников. Вторая — фармацевтический техникум, готовящий вполне квалифицированных ответственных работников аптеки, а также техников для химико-фармацевтических заводов и инструкторов для культур лекарственных растений. Наконец, сам Химико-фармацевтический институт, который должен был готовить будущих работников крупной и мелкой хи-

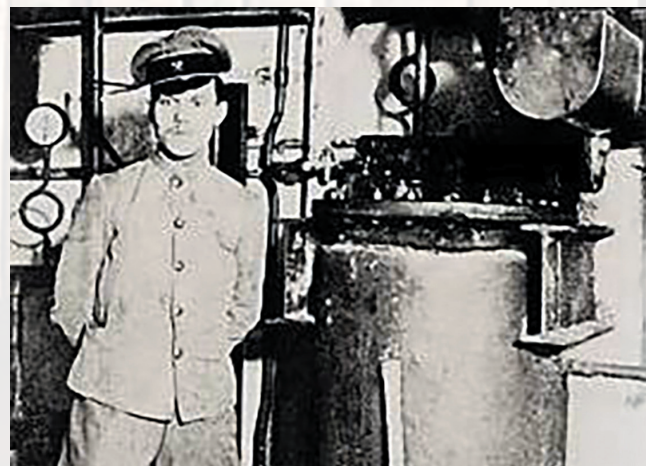
1915

Открытие химико-фармацевтического отделения в психоневрологическом институте при содействии А.С. Гинзберга.

1921

Петроградский химико-фармацевтический институт пополняет ряды высших технических учреждений.

мико-фармацевтической промышленности, сферы выращивания и переработки лекарственных растений, администраторов при центральных аптечных складах, лабораториях и других чиновников. Нужно было также растить будущих научных работников и преподавателей высших и средних профессиональных школ.

Кроме того, на ст. Сиверская были организованы двухлетние курсы техников по культуре и сбору лекарственных растений.

Институт состоял из двух факультетов: инженерно-фармацевтического и биолого-фармацевтического. В занятых им помещениях двух домов были оборудованы аудитории примерно на семьсот учащихся, чертежная, залы и целый ряд вспомогательных учебных учреждений. К ним относились:

- научно-показательная аптека, рассчитанная на ежедневное производство до 1000 рецептов в день;
- Центральная лаборатория, занимающая более 10 комнат для биологических и химических занятий;
- несколько музеев с богатыми и ценными коллекциями;
- библиотека примерно на 15 тыс. томов.

Думаете, это все? Как бы не так! Уже на втором заседании Временного совета еще только создаваемого института профессор Гинзберг был вынужден сообщить о решении Наркомпроса слить все медицинские вузы Петрограда в одну Академию медицинских наук и превращении ПХФИ в ее фармацевтический факультет. От этой реорганизации удалось отбиться.

В 1921 году появилось решение о закрытии техникума и опять о слиянии института с другим учебным заведением. На этот раз – Медицинской школой. Ректору пришлось доказывать, что такое решение было бы государственной ошибкой. Во-первых, закрытие техникума создаст «ничем не заполняемую брешь» в

фармацевтическом образовании, так как совершенно выпадает подготовка квалифицированных аптечных работников. «Это неизбежно нарушит правильный приток подготовленных работников в аптеки, центральные склады и лаборатории и резко понизит роль аптек в снабжении лекарствами населения, что вряд ли может быть допущено интересами Комиссариата здравоохранения».

Во-вторых, переводение института в статус факультета при другой высшей школе «должно в корне нарушить весь учебный план института». При этом в Медицинской школе не найдется места для инженерного факультета, ведь этот вуз далек «от инженерного образования и от производственной деятельности». ПХФИ же готовит кадры не только для аптек и фармакологической науки, но и для химико-фармацевтической промышленности, без которой Страна Советов просто не может выжить.

В 1923 году «наверху» было все же принято решение о закрытии инженерного факультета ПХФИ с переводом студентов на биологический факультет или на родственные факультеты других вузов. А в 1924 году Химико-фармацевтический институт был преобразован в химико-фармацевтический факультет Ленинградского государственного университета. Как говорилось, чтобы дать доступ студентам вуза к прекрасно оборудованным лабораториям университета.

Александр Гинзберг еще крепился. В своей статье по поводу слияния (Химико-фармацевтический журнал, №2, 1925 г.) он пишет: «...входя в университет в форме факультета, т. е. в виде цельной и самостоятельной единицы в учебном смысле, мы надеемся, что не порвется наша связь с теми профессиональными органами и организациями, которые... ведут весьма важное и жизненное дело снабжения населения доброкачественными лекарствами».

1922

Летом 1922 г. состоялся первый выпуск Петроградского химико-фармацевтического института. Уровень подготовки оказался настолько высок, что пятеро выпускников вместе с дипломом получили степень кандидата наук.

Но и позже злоключения Химфарма не окончились. В 1925 году было принято решение превратить химико-фармацевтический факультет в 6-е отделение физмата ЛГУ. Потом он был передан в Ленинградский медицинский институт. И лишь в 1936 году фармацевтический факультет 1-го Ленинградского медицинского института был снова реорганизован в Ленинградский фармацевтический институт. Первый директор еще успел дожить до этого момента. Умер Александр Семенович Гинзберг 24 октября 1937 года.

Того, что сделал этот человек для развития российского фармацевтического образования, с избытком хватило бы для увековечивания его имени в анналах истории отечественной фармации. Однако этого почему-то не произошло. Так, в замечательном по своей полноте издании «Летопись российской фармации. XX век» отсутствует статья «Гинзберг», хотя имеются биографии многих его выдающихся учеников. В год 100-летия его детища – Химико-фармацевтического института – мы хотим отдать долг памяти этому человеку.

1924

В 1924 году институт расформирован в химико-фармацевтический факультет Ленинградского государственного университета. В мае-июне 1925 года этот факультет был преобразован в химико-фармацевтическое отделение физико-математического факультета университета. В сентябре того же 1925 года это отделение было ликвидировано.

Информация об авторах

Игорь Анатольевич Наркевич – д-р фармацевт. наук, профессор, ректор, Санкт-Петербургский государственный химико-фармацевтический университет Министерства здравоохранения Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: igor.narkevich@pharminnotech.com

Юрий Юрьевич Звягин – выпускающий редактор, журнал «Формулы Фармации», Санкт-Петербург, Россия; e-mail: zvjagin@yandex.ru

Светлана Александровна Воробьева – д-р филос. наук, доцент, заведующая кафедрой социально-гуманитарных наук, Санкт-Петербургский государственный химико-фармацевтический университет Министерства Здравоохранения российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: svetlana.vorobieva@pharminnotech.com

Владимир Вениаминович Перельгин – д-р мед. наук, профессор, заведующий кафедрой промышленной экологии, Санкт-Петербургский государственный химико-фармацевтический университет Министерства Здравоохранения российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: vladimir.pereligin@pharminnotech.com

Дарья Олеговна Доброва – художественный редактор, журнал «Формулы Фармации», Санкт-Петербург, Россия; e-mail: rinashevchen@mail.ru

Author information

Igor A. Narkevich – Doctor of Pharmaceutical Sciences, Professor, rector, Saint-Petersburg State Chemical Pharmaceutical University, Saint-Petersburg, Russia; e-mail: igor.narkevich@pharminnotech.com

Yuri Yu Zvyagin – editor-in-chief, the journal «Pharmacy Formulas», Saint-Petersburg, Russia; e-mail: zvjagin@yandex.ru

Svetlana A. Vorobeva – Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, head of the Department of social and humanitarian disciplines, Saint-Petersburg State Chemical Pharmaceutical University, Saint-Petersburg, Russia; e-mail: svetlana.vorobieva@pharminnotech.com

Vladimir V. Perelygin – Doctor of Medical Sciences, Professor, Head of the Industrial Ecology Department, Saint Petersburg State Chemical Pharmaceutical University, Saint-Petersburg, Russia; e-mail: vladimir.pereligin@pharminnotech.com

Daria O. Dobrova – designer, layout maker, the journal «Pharmacy Formulas», Saint-Petersburg, Russia; e-mail: rinashevchen@mail.ru

От редакции: Редакция журнала «Формулы Фармации» планирует внести свой посильный вклад в подготовку и размещение на своих страницах очерков обо всех ректорах, от Санкт-Петербургского химико-фармацевтического института до Санкт-Петербургского химико-фармацевтического университета, и о других ученых, особенно ветеранах, отдавших годы жизни и деятельности на благо фармацевтической науки России.